

Оксану Фандеру я запомнила после первого в бывшем СССР конкурса красоты. В ее лице совсем не было присущей манекенщицам сладости. Были нервность и артистизм. Сниматься в кино Оксана начала еще до конкурса. Самый известный из ее фильмов – «В движении», снятый Филиппом Янковским. С Филиппом Оксана не расстается уже 16 лет. В его «Статском советнике» по Акунину, монтаж которого недавно окончен, она сыграла террористку-фанатичку. А в спектакле «Свадебное путешествие», поставленном экс-директором «Золотой маски» Эдуардом Бояковым в паре с латышкой Илзе Рудзите – интердевочку Машу Рубинштейн, еврейку, полюбившую сына эсэсовца. От этого спектакля ждали скандальности – еще бы, пьесу написал Владимир Сорокин! А спектакль вышел... просто хороший. Фандера сыграла в нем с такой жадной безудержностью, что журналисты наперебой стали сравнивать ее то с молодой Мариной Нееловой, то с Шарлоттой Рэмплинг из «Ночного портье»...

– Оксана, «Свадебное путешествие» – ваш первый театральный опыт?

– Не совсем. Я играла в постановке Татьяны Догиловой «Лунный свет, медовый месяц», но быстро поняла, что антреприза – не мое дело. Поскольку я воспитывалась в театре Анатолия Васильева, для меня важно искусство, а не зарабатывание денег.

– А как вы попали к Васильеву?

– Это старая и очень таинственная история. Однажды утром, это было в 1988 году, мне позвонили и спросили, знаю ли я, кто такой Анатолий Васильев. Я ответила: «Да». Мне сказали, что Васильев сейчас улетает на гастроли, но когда прилетит, хочет со мной познакомиться. Я решила, что это розыгрыш и положила трубку. Но мне перезвонили... Потом я встретилась с Васильевым. Мы промолчали полчаса, я не выдержала и спросила: «Может, я вам что-нибудь прочитаю?». Он сказал: «Не надо – а вдруг вы мне не понравитесь?». Было около двух часов ночи. Он помолчал еще какое-то время и сказал: «Вы приходите на занятия, а там посмотрим». Год я была у него вольнослушателем, а потом из всего

большого курса он поставил две пятёрки по мастерству, одну из них – мне. Но я так до сих пор и не понимаю, откуда он обо мне узнал.

– Может, он смотрел по телевизору конкурс красоты с вашим участием? Это ведь ваш первый конкурс в СССР, воспринимавшийся как высочайшее достижение демократии! Вы ведь заняли тогда второе место?

– Да. Но я плохо представляю Анатолия Александровича, смотрящим конкурс красоты... Один из наших педагогов сказал мне: «Единственное, чем ты можешь заинтересовать Васильева – тем, что ты абсолютно белый лист». Это был курс заочников, у многих было по два высших образования. Там был покойный Никита Михайловский, Саша Галибин... Я

была самая маленькая, но впитывала, как губка. Получила диплом, год поиграла в его труппе и сбегала.

– А почему сбежали?

– Как говорила моя мама, которой, к сожалению, уже нет: «Ты родилась с болезненным чувством справедливости». Если надо выбирать между карьерой и человеческими отношениями, я всегда выбираю последнее. В тот момент, когда Анатолий Александрович разделил наш курс, назвав мое имя в пятерке лидеров, я взбунтовала. Сказала, что не смогу приходить в театр и глядеть в глаза своим друзьям, которые остались за бортом...

– До поступления к Васильеву вы не собирались быть актрисой?

– Собиралась. В 16 лет я не поступила в ГИТИС – прошла все три тура и набравший курс Владимир Андреев ожидал, что на конкурсе я откроюсь как лирическая героиня. Я пришла в длинной юбке, сжимала руки и честно страдала, но потом вдруг не выдержала – спела песню Вилли Токарева. Комиссия рыдала от смеха, но меня не взяли. Андреев сказал: «Я тебя боюсь, ты мне весь курс поставишь с ног на голову». Я не расстроилась, решив, что это несоответствие внешним и внутренним данным все равно не даст мне быть актрисой, и пошла работать секретарем-машинисткой в Дом моделей Славы Зайцева. Оттуда меня тоже благополучно выгнали. Понимаете, я ведь из Одессы, в Москве – с четырнадцати лет, и сначала мой одесский темперамент не выносил тех узких рамок, в которых должен держаться человек, живущий в

Постер 90-х годов.

Москве. Во мне все кричало: дайте смеяться и улыбаться, а люди шарахались... Потом был Дом моделей на Кузнецком мосту, куда меня, в силу отсутствия модельного роста (во мне 167 см), взяли бригадиром детских манекенщиц. Через какое-то время я оказалась в «Театре моды» у

Лидии Сосели. Соселия пригласила к себе на постановку Гедиминаса Таранды. Таранда посмотрел на нас и сказал: «Одна из вас будет исполнять роль уборщицы, а остальные будут моделями». К этому моменту мне уже хотелось ходить павой, но он нашел меня глазами и сказал: «Это будете

вы». Закусив губу, ненавиждая себя, Гедиминаса и весь модельный бизнес, я взяла швабру и выполняла роль уборщицы: вокруг меня ходили красивые девушки, а я терла пол. Номер заканчивался тем, что я бросала швабру и уходила с ними. В «Театре моды» я проработала около года, потом в каком-то журнале меня случайно увидел кинорежиссер Валерий Федосов и утвердил на главную роль в фильме «Утреннее шоссе». С этого момента я стала сниматься. А потом попала на конкурс красоты.

– Также случайно?

– Ну да! Мы с сестрой шли по Крымскому мосту и увидели огромную очередь, состоящую из одних девушек. Кто-то сказал: «Это конкурс». Я азартный человек, поэтому решила попробовать. Между участниками были совершенно фантастические отношения: у нас не было соперничества, было ощущение вернувшегося детства – нами все занимались, интересовались. За четыре часа до шоу в Лужниках я увидела тележку с мороженым, которое должно было продаваться вечером, и мы с подружками благополучно его съели. Это было самое сильное впечатление от конкурса. А стеклами в обуви и двумя левыми ботинками я вас поразить не могу.

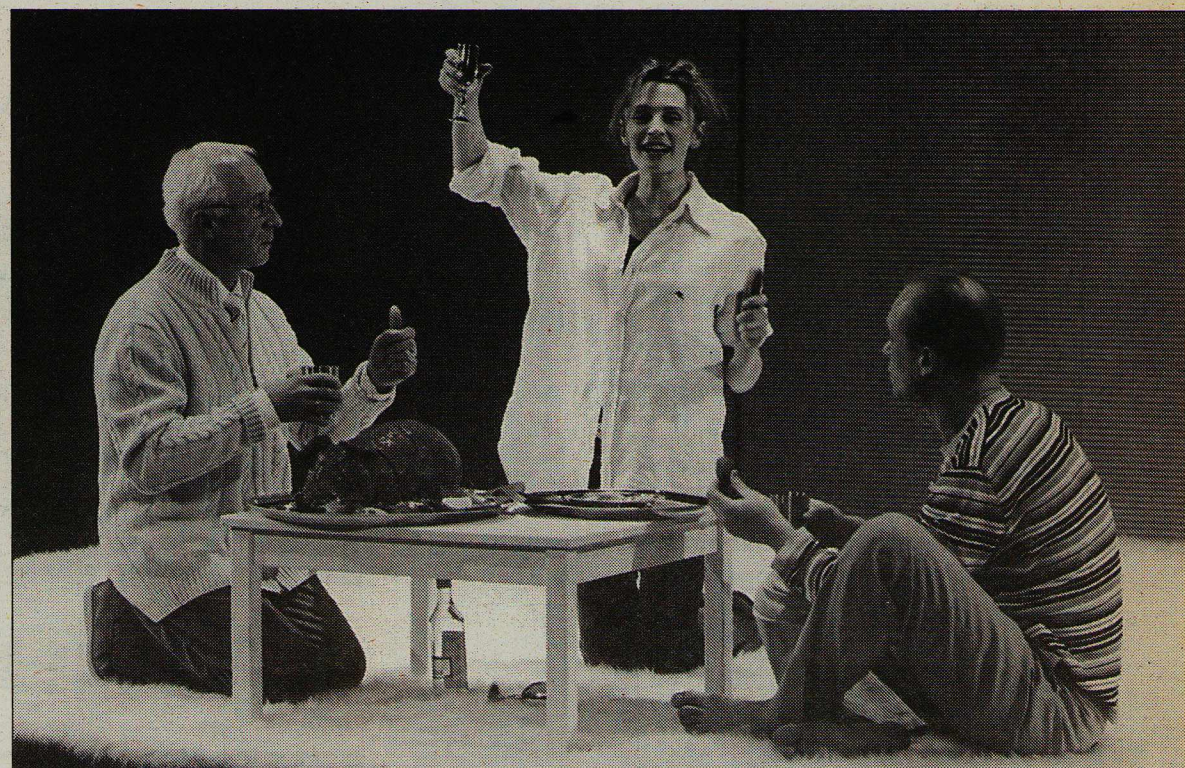
– Вы себя кем считаете – моделью или актрисой?

– Моделью я никогда себя не считала. По психологии, природе и заморочкам я, конечно же, васильевская актриса. Но в жизни это трудноприменимо. – У вас нет ощущения, что вы могли бы стать суперзвездой?..

– Мне когда-то Васильев сказал: «Ты могла бы быть очень серьезной актрисой, но в тебе отсутствует то, что питает актера – честолюбие». Я никогда не плыла против течения своей жизни, но при этом понимала, что если что-то попадает на пути, то это – мое, а если что-то никак не дается, значит, не мое. Желания завоевать аудиторию у меня не было. Ведь достаточно сняться в сериале и проснуться человеком... даже не знаю, каким: успешным? знаменитым? известным? В общем, тем, кого узнают. Но мне не хочется.

– А вас на улице узнают?

– Не могу сказать, что меня рвут на части. Ну, иногда берут автографы. Благодаря любимому фильму миллионеров и таксистов

Сцены из спектакля «Свадебное путешествие».

нет настоящего театрального опыта, а во-вторых, я тогда еще не была знакома с режиссерами и не представляла себе, как будут решаться щекотливые моменты типа эротических сцен. Я ведь ненавижу в театре натурализм, если, конечно, это не эпатаж и не «Театр.doc», который я обожаю. В общем, я решила проверить эту пьесу на Олега Ивановича Янковском. Я на нем многое проверяла – мы с ним часто читаем друг другу репетиций Бояков предложил мне сходить в «Театр.doc» и посмотреть их «Большую жрачку». Я вышла оттуда со слезами на глазах, хотя эта вещь – гомерически смешная. Потом я привела на «Жрачку» Олега Ивановича.

– В душной, тесной подвал «Театра.doc»?!

– Я так устроена, что если мне что-то нравится, я должна этим заразить как можно большее количество народу. Весь спектакль я смотрела на Янковского. Он был достаточно индифферентен, но

когда мы вышли, сказал: «Они умеют то, чего не умею я. В актерском существовании всегда есть зазор между персоной и персонажем, я первый раз в жизни не увидел этого зазора!» Он сказал, что это тот театр, к которому он всегда стремился – когда ты не рвешь горло и не делаешь диссоницию между собой и залом, а существуешь как бы внутри. Я была абсолютно счастлива. Олег Иванович – удивительный человек.

– А как вы познакомились с его сыном Филиппом?

– Совершенно случайно. Это было на чьем-то дне рождения, куда я пришла со своим приятелем, а Филипп как-то сразу увидел меня и... и все.

– С Бояковым было трудно репетировать?

– Удивительно легко, хотя и для него, и для Илзе это был первый спектакль. Кстати, по иронии судьбы эту историю русской еврейки и сына эсэсовца мы репетировали в Еврейском культурном центре. Изумительные люди там работают – они не взяли с нас ни копейки.

– А как к вашему спектаклю отнесся Владимир Сорокин?

Старшее и среднее поколение семьи Янковских.

– Он сказал, что увидел на сцене не именно тех людей, о которых писал. Кстати, некоторые зрители считают, что мы давно знакомы и Сорокин писал эту пьесу «на меня». Для меня это огромный комплимент! Я ведь всегда стремилась не играть, а существовать. Именно поэтому я не принимаю многих «академических» спектаклей – мне очень хочется живого. И тут мне повезло с режиссерами – им хотелось того же...

– Вы ходите в другие театры, кроме «Театра.doc» и «Ленкома»?

– Я влюблена в Чулпан Хаматову и смотрю все, что она делает. Недавно открыла Митю Чернякова – на сегодня это мой любимый режиссер. Бояков как-то принес на репетицию кассету с записью «Двойного непостоянства». Финал, когда героиня разбивает стекло, я посмотрела семь раз. Митя – феноменально одаренный человек.

– Что вы делаете в перерывах между спектаклями и съемками?

– Живу. Поглощаю книги, как пищу. Сказать, что я воспитываю детей, можно, но я уже не читаю ни книги на ночь – они взрослые люди: Ване 14, Лизе девять. Каждый год я стараюсь ездить с ними в Одессу. В Москве ведь не хватает 20 процентов кислорода – от того мы все так плохо себя чувствуем. А Одесса дает не то что 20 процентов, но все 60. В Москве нет места, где видна линия горизонта, а мне видеть горизонт нужно чисто физически. Вспомните мои слова на юге, когда будете стоять у моря! В этом году я была в Одессе с Лизой, мы жили на даче у маминной подруги. Удивительно, но там со времени моего детства ничего не изменилось. По пляжу ходят те же самые загорелые женщины и кричат почему-то все в единственном числе: «Памидор спелый, рак вареный». Под ногами валяются обжаренные початки кукурузы, молдаване приезжают целым табором и заходят в воду, не раздеваясь. Молдаванки стоят по колено в воде, их юбки плещутся! они перестраиваются и почему-то прикладывают к ногам медуз. Я не выдержала – спросила, зачем. Говорят: «Ой, вы не знаете, это же от артритов!». Вот это – мое детство. Та наивность, открытость и открытость, которая мне близка.

Встречалась Алла ШЕНДЕРОВА

Супруги Оксана Фандера и Филипп Янковский.